

РОМАН В СТИХАХ «ПАДУЧАЯ СТРЕМНИНА» ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА

И. С. Скоропанова

*Белорусский государственный университет, ул.
К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь,
skoropanovai@bsu.by*

Роман в стихах «Падучая стремнина» Игоря Северянина рассматривается как переломный фактор его творчества, сигнализировавший о движении от лирических поэм к крупной жанровой форме и от эгофутуризма к неореализму. Выявляется художественно-эстетическое своеобразие произведения, соотносённость в нем лирического и эпико-повествовательного начал, нарастание роли автобиографического, функция открытого финала. Констатируется, что следование пушкинской традиции неотрывно у Северянина от ее обновления с учетом опыта Серебряного века.

Ключевые слова: роман в стихах; неореализм; чистое искусство; автобиографический пласт; печать времени; открытый финал.

IGOR SEVERYANIN'S NOVEL IN VERSE «THE BLOWING STREAM»: EVOLUTION OF GENRE

I. S. Skoropanova

*Belarusian State University, st. K. Marksa,
31, 220030, Minsk, Belarus,
skoropanovai@bsu.by*

Igor Severyanin's novel in verse «The Blowing Stream» is considered as a turning point in his work, signalling the movement from lyrical poeses to a large genre form and from ego-futurism to neorealism. Artistic and aesthetic originality of the work, the correlation of lyrical and epic-narrative beginnings in it, the increasing role of autobiographical, and the function of the open ending are revealed. It is stated that Severyanin's adherence to Pushkin's tradition is inseparable from its renewal taking into account the experience of the Silver Age.

Key words: novel in verse; neorealism; pure art; autobiographical layer; autobiographic layer; time stamp; open ending.

В развитии жанра романа в стихах можно выявить определенную закономерность: его создание всегда связано, пусть опосредованно, с реакцией литературы на значимые явления общественно-исторической жизни, определяющие судьбу конкретного человека. У Александра Пушкина в «Евгении Онегине» это реакция на декабризм и его подавление, у Евдокии

Растопчиной в «Дневнике девушки» – на «женский вопрос», начавший обсуждаться в российском обществе, у Якова Полонского в «Свежем преданье» – на либерально-демократическое брожение, увенчавшееся реформами 1861 года. Толчком в обращении к жанру романа в стихах Игоря Северянина явилась утрата им в результате Октябрьской революции родины, болезненно пережитая, сопровождавшаяся мысленным возвращением к тому, что было для него так дорого, стремлением как можно полнее запечатлеть свое российское прошлое и таким образом сохранить оставшуюся в памяти, а из жизни уже ушедшую Россию северянинской молодости и славы.

В число святых, упрочивающих связь с Отчиной, попадала и русская классика, на которую эмигрантская литература сделала особую ставку, позиционируя себя как хранителя русской культуры. Северянин эту позицию разделял.

Из классиков же любимым поэтом Северянина был Пушкин, которому тот посвятил стихотворения «Пушкин», «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!», «После “Онегина”», оценивая как не имеющего себе равных в русской литературе гения, ее

чудесное мгновенье,
Запечатленное в веках [3, 237], –

вечно живое воплощение Вдохновения и Красоты. Каждое перечитывание Пушкина все так же впечатляет, волнует, просветляет, а «Евгений Онегин», где «что ни строчка – то эпитафия!» [3, 241] – настоящий интеллектуально-философский пир.

Привлекал Северянина и тип свободного романа, ни в чем не сковывающий автора. Пушкинского «Евгений Онегина» поэт и взял за ориентир, ощущая, что созрел для создания масштабного в жанровом отношении произведения, и ему есть что сказать в собственном романе в стихах. О своих предшественниках в лице Е. Растопчиной и Я. Полонского, пребывавших в литературной критике «на задворках», Северянин не знал, полагая, что обратился к пушкинской традиции данного направления первым.

В 1922 году северянинский роман в стихах «Падучая стремнина» был выпущен издательством Отто Кирхнера и К^о в Берлине.

Предваряет сам текст обозначенное автором как Содержание:

« • Пролог

- Часть I
- Часть II
- Письмо Златы» [6], – указание общих структурных принципов построения произведения при достаточно свободной, как у Пушкина, его сюжетно-композиционной организации.

Создан северянинский роман в стихах на автобиографической основе, но сквозь личное просвечивает и время. Сравнительно с «Евгением Онегиным» роль лирического начала у Северянина возрастает, так как автор выступает у него в двух ипостасях: он и центральный герой романа, – но это начинающий, молодой Лотарев / Северянин, и уже зрелый автор-повествователь, сопровождающий свой рассказ собственными комментариями и рассуждениями. Однако касается Северянин, пусть и бегло, исторических событий воссоздаваемого времени, а это 1900-е – 1910-е годы; приводятся в этих рамках и некоторые сведения об истоках формирования эгофутуризма, основоположником которого явился Северянин. Так что эпическое в «Падучей стремнине» по объему уступает лирическому, но представлено в произведении.

Повествовательное начало отражено и в большей развернутости многих строф, заметно превышающих по размеру «онегинскую строфу», как и в чередовании разноразмерных строф, и в ориентации в целом ряде случаев на разговорный тип стиха по интонации. Размер же Северянин предпочитает традиционный – Я⁵ с пиррихией на 4-й стопе.

В некоторых случаях автор «Падучей стремнины» непосредственно отсылает к Пушкину, скажем в строке:

Итак, мы жили в Гатчине: я, мама
[6].

Порывает Северянин с уже ставшими для поклонников привычными эгофутуристическими «красивостями» своих поэз и вычурным словотворчеством: «Падучая стремнина» – явление неореализма. Пушкинскую традицию реалистически-конкретного повествования поэт соединяет в ней с определенными установками модернизма.

За год до «Падучей стремнины» в «Увертюре к т. XII книги «Менестрель» Северянин восклицал:

в песне – цель!
Пой, менестрель двадцатого столетья!
Пой, менестрель
[5], –

а в стихотворении 1921 года «Долой политику» провозглашал:

Долой политику – вражды и зла эмблему! Из
жизни сотворим певучую поэму!
[7, 169], –

свою миссию характеризовал так:

Враждующих мирить – мое предназначенье!
Да оглашает мир божественное пенье!
Пусть голос гения грохочет над землей!
Уйдем в прекрасное, в высокое, в глубины
Науки и искусств и будем голубины Душой
бессмертною, надземною душой!
[7, с. 168–169].

И в Прологе «Падучей стремнины» поэт отстаивает постулаты чистого искусства, которыми намерен руководствоваться, ибо они не настраивают людей друг против друга, выливаясь в ненависть и войны, утверждают Мир, Любовь, Свободу, Природу – все, в чем есть прекрасное. В этом, считает Северянин, он следует за Пушкиным, ратовавшим за автономию искусства слова, правда, трактует его позицию излишне расширительно.

В северянинском Прологе есть вызов идеологизированной, тенденциозной литературе, разъединяющей, а не объединяющей людей.

Истинное значение поэзии, согласно Северянину, – помочь человеку стать и остаться человеком.

О том, как шло формирование его собственной творческой личности, повествует поэт в I части романа. Заметное место у Северянина занимает детализация.

В юности, признается поэт, он был большим патриотом и тяжело переживал Цусимскую катастрофу в русско-японской войне 1904 – 1905 годов, тем более что в 1903 году полгода прожил у отца в ПортАртуре на Квантунском полуострове и собирал коллекцию снимков судов русского флота. Первое опубликованное стихотворение 16-летний Северянин посвятил именно этому экстраординарному событию, хотя в общем-то был достаточно аполитичным. Поэзия – вот что понастоящему его занимало.

Стихи начинающего автора рождались под влиянием русской классики, прежде всего – Лермонтова и А.К. Толстого. Северянин считает нужным отметить:

Декаданс
Был органически моей натуре,
Здоровой и простой по существу, Далек и
чужд
[6].

Изменения в данном отношении произойдут позднее под влиянием настроений, характерных для Серебряного века, после возвращения к матери в Петербург, и то не сразу.

Северянин не скрывает, что жили бедновато, на средства дяди, ежемесячно переводившего для него небольшие суммы; но, избрав целью жизни поэтическое творчество, во что бы то ни стало стремился молодой человек сохранить свою независимость. Вот как зрелый поэт это объясняет:

Я беден был, но поступать на службу
Упорно избегал: дух канцелярий Был
для меня, свободного, противен. И
чувствовать начальство над собою
Казалось мне позорным униженьем
[6].

В то же время, осознавая недостаточность образования, полученного в реальном училище, герой много читает и ежевечерне посещает театр. Перечень книг, составивших северянинскую библиотеку, включает в себя М. Метерлинка, Г. Ибсена, О. Уайльда, Б. Шоу, Ги де Мопассана и дает представление об авторах-модернистах, оказавших на поэта наибольшее влияние. Не забывает, впрочем, Северянин отметить, что яснил его ум Пушкин.

Посещением же консерватории и страстным увлечением музыкой Северянин объясняет напевность своих поэм.

Летний отдых молодого поэта и его матери, в основном, был связан с Гатчиной (под Петербургом), где у них имелась дача. Любовь к гатчинским местам у Северянина не потускнела и спустя годы. Живым чувством привязанности дышат строки романа, описывающие природу и достопримечательности Гатчины, с которой сроднился поэт:

Я Гатчину люблю: ее озера – Серебряное, с
чем тебя сравню?
И Приорат, и ферма, и зверинец,
И царский парк, где павильон Венеры, Не
нравиться не могут...
[6].

Со временем к этому добавились окрестности Гатчины –

Пудость,
Где водяная мельница и парк С
охотничьим дворцом эпохи Павла

[6].

Немаловажно для поэта впечатление Красоты, какую передает его пейзаж. Ее тонко чувствует лирический герой, переживая подлинное наслаждение. Но испытываемое чувство не с кем разделить, так как в Гатчине Лотарев / Северянин никого не знает.

Именно в Гатчине, однако, к Северянину приходит первая любовь, не признающая никаких сословных перегородок и фальшивых условностей, ибо встреченная им – дочь дворника-забулдыги и всего-навсего швея, к северянинскому кругу не принадлежащая. Тем не менее эта любовь показана как романтическая – дар неба, неопишное счастье. Сбылось то, о чем поэт мечтал, и даже имя избранницы – Злата (настоящее имя – Евгения Гуцан) им опоэтизировано уподоблением драгоценности:

Да, верил я тогда в предназначенье,
Во вдохновенность встреч, в любовь такую,
Которая охватывает вдруг Всего-всего,
безразумно владея
И сердцем и душой. Интуитивно
Я понял вдруг, что Злата неспроста Мне
встретилась, а послана судьбою
[6].

Получают у Северянина описание встречи, прогулки, поцелуи, иступленность ласк, «угар и бред» переполняющих влюбленных чувств.

Чтобы снять для Златы комнату, где могли бы видеться, молодой поэт приносит существенную для него жертву – продает все 500 книг накопленной к этому времени библиотеки. Правда, хватило полученных денег ненадолго. Материальной помощи ждать было неоткуда, и до женитьбы не дошло, ведь брак предполагал бы северянинское трудоустройство, что отнимало бы время и силы у поэзии. Северянину это казалось немыслимым. Не оправдывая себя, *post factum* автор романа в стихах формулирует:

Ну, кратко говоря, я был поэт!
[6].

В данном случае понятие «поэт» наделяется семантикой «витания в облаках», «оторванности от жизни», «неподчиненности общим правилам». Также поэт может характеризоваться у Северянина как «безвозрастный ребенок» – человек, сохранивший в себе первозданную свежесть чувств и взгляда на мир, как и инфантилизм в решении «взрослых» вопросов. Момент эгоцентризма автор обходит, хотя эгофутуризм возник не на пустом месте.

Злата же всегда и во всем героя оправдывает, поддерживает его уверенность в себе. Возможно, любовь в чем-то застилает ей глаза.

Однако, столкнувшись с изменой, Злата возлюбленного покидает.

Причиной разрыва явилась возникшая на северянском горизонте «роковая женщина», опытная соблазнительница, сумевшая разжечь в молодом человеке страсть. Северянин психологически убедительно передает состояние какого-то завораживающего бреда, владевшего лирическим героем: продолжая любить Злату, он имел связь с другой, к тому же бросившей его, когда наигралась.

Утрату любви Лотарев / Северянин переживает как трагедию, проклинает себя за то, что убил свое счастье. Объясняет случившееся он своим легкомыслием, юностью и слабостью перед соблазном.

Но поэт стремится сохранить испытанную любовь в стихах, благодарит за нее Бога и молит Его:

Любви же нашей Ты, о милосердный,
Великий Бог, свершивший чудо встречи
Двух половин единственной души, Дай
вечно жить и сотвори ей память На веки
вековечные. Аминь.
[6].

II часть романа в стихах повествует о гатчинском периоде жизни Северянина «после Златы». Воспроизводятся и его переживания, и продолжающиеся поэтические опыты, и появление своего литературного круга. Но особенно большое место в этой части занимают новые любовные увлечения поэта, со временем составившее целый дон-жуанский список Северянина, ставший в годы его славы неотъемлемой составляющей северянинского облика.

В «Падучей стремнине» автор дает собственное объяснение своей «любвеобильности»: в каждой появившейся женщине он искал Злату, но не находил. Обвинений в развращенности Северянин не принимает, исповедуется: «Я всех любил по-своему. И как бы / Я мог брать женщин без любви взаимной?» [6].

Другое дело: это могли быть краткие «романы», «сладостные миги», но всегда в них им вкладывались искренние чувства. Так что Северянин изображает себя молодого как сторонника «свободной любви» и принципов имморализма, достаточно характерных для Серебряного века. До «Падучей стремнины» он писал:

Что значит – одну любить? Что
значит – с одною жить?

Зачем же так много дев,
И в каждой есть свой напев?

И этих напевов рой
Не может пребыть в одной...
[5], –

и доказывал, что в каждой ищет красоту и восторг, чтобы

Быть вечно жизнью восхищенным
[5].

В «Падучей стремнине» оценка собственных любовных «романов» более критичная. Северянин признается, что той идеальной – поэтичной – любви, которой так жаждал, ни от одной (потеряв Злату) не получил. Оказалось:

Все это пусто, кратко и мишурно.
Не настоящее...
[6], –

ведь в результате разрыва ни одна не покончила с собой (таков ре-
зон Северянина в одном из стихотворений).

Вместе с тем эти взаимоотношения являлись стимулом для творчества:

Без женственных касаний Моя
душа художника зачахла б
[6], –

и даже тем, кто его разочаровал, Северянин благодарен за стихи, со-
зданию которых способствовали пережитые увлечения. Поминая,
например, Мадлену, Северянин пишет:

...ею вдохновенные поэзы Мне
дали имя
[6].

Каждая женщина что-то привнесла в его жизнь, сделав ее более
эмоционально напряженной, сексуально насыщенной, упоенной.

К тому же любовь – чувство во многом своевольное, зачастую бурное, подобно водопаду, падающему с большой высоты в реку повседневности. Так расширяет поэт заглавие своего романа в стихах, утверждая:

Моя любовь – падучая стремнина. Моя
любовь – державная река.
Порожиста порой ее равнина, Но в
сущности чиста и глубока
[6].

Как можно понять, не всегда Северянин мог сдерживать возникшее влечение, но это были поиски им настоящей любви. Ведь он о себе писал:

Томлюсь ожиданием несбыточной нежности, Люблю
подсознательно – не знаю кого
[5].

Поэтому «свободная любовь» как путь к искомому идеалу в «Падучей стремнине» отнюдь не развенчивается, хотя дана без прикрас.

Также, узнаем мы из II части романа, гатчинский период жизни Северянина оказался ознаменован знакомством в 1907 г. с К. Фофановым, с чего началось вхождение молодого поэта в литературную среду.

С К. Фофановым в русскую поэзию пришел импрессионизм. Своими стихами он предлагал бегство от зла и суеты в мир идеальный, пусть и с земными чертами:

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества: И
гармонические грезы, И
музыкальные слова.

Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд [8, с. 246].

К. Фофанов признавался, что находит успокоение только в поэзии, выступал как представитель чистого искусства.

Стансы К. Фофанова любила безвременно скончавшаяся сестра Северянина, и, узнав, что он, оказывается, живет в Гатчине, решили его навестить, хотя точного адреса не знали:

Пошли мы лесом в сумерки к поэту.

...Шлагбаум. Рельсы. Старая часовня.
Ноябрьский вечер. Звезды и луна... Навстречу
мужичок в тулупе теплом, Дубленом, в валенках,
в лохматой шапке.
– «Не знаешь ли, любезный, где живет тут
Писатель Фофанов?» – Проникновенный
Взгляд мужичка на нас из-под очков И еле
уловимая усмешка:
«Я – Фофанов»
[6].

Автор намеренно дает столь конкретный, детализированный портрет К. Фофанова, чтобы подчеркнуть, насколько «деревенскость» его внешнего вида не соответствовала устоявшимся представлениям о поэте. Родясь мужичком российским, К. Фофанов гордился своим происхождением и игнорировал условности, поясняет Северянин. Уже в этом тот был не похож на других. Как и во многом другом.

Пишет о К. Фофанове Северянин с восхищением, называет его великим поэтом. К тому же Константин Михайлыч у него – «прелесть»: искренний, естественный, не строит из себя бог знает кого. Прослушав северянинские стихи, он предсказывает молодому поэту славу, что предопределило сближение. К. Фофанов как мог поддерживал открытый талант, написал предисловие к изданному Северяниным сборнику стихотворений «Качалка гризерки» (1912). За четыре года знакомства он адресовал Северянину 20 посвящений.

Сближала этих поэтов и любовь к М. Лохвицкой, которой Северянин одно время был сильно увлечен.

К. Фофанов и М. Лохвицкая указаны как предтечи Эгопоэзии в программном документе новой поэтической школы. Впрочем, Северянин не скрывает:

Его я видел разным:
Застенчивым, когда бывал он трезвым,
Нередко гениально вдохновленным,
В минуты опьяенья невозможным [6], –

а К. Фофанов сильно пил. И в стихотворении 1926 года Северянин признает:

Большой талант дала ему судьба, В
нем совместив поэта и пророка. Но
властью виноградного порока Царь
превращен в безвольного раба

[4, с. 184].

Автор «Падучей стремнины» констатирует, что «заплатой опьянения» чинили свою жизнь и другие, и сам он во время одной из попоек едва не был убит. В молодости «ухабно-карусельные попойки» расценивались как проявление «неприрученности» и удалства (во всяком случае в кругу К. Фофанова). Личные же отношения между поэтами были самые добрые, что и окрашивает северянинские воспоминания о К. Фофанове.

Описывается и знакомство с фофановской семьей, в том числе – с 16-летним сыном Костей.

Этот мальчик
Впоследствии Олимпов, футурист
[6], –

сообщает Северянин, как бы проясняя, откуда взялся «директориат» литературной группы «Эгофутуризм»¹ в лице Игоря Северянина, К. Олимпова, Г. Иванова, Г. Арельского. Также указывает он и причину, по которой К. Олимпов не состоялся как поэт, – Сошел с ума, когда отец скончался. Пункт – мания величия. Вырожденцем

Он несомненно был [6].

Расстройство психики отнюдь не бесталанного К. Олимпова – наследственное: как и К. Фофанов, пила его жена, которая «семь раз с ума сходила» [6]. Костю вспоминает Северянин лишь с жалостью. Чувствуется, что возникшие отношения ему были дороги.

Не скрывает поэт, однако, и усиливавшегося своего пристрастия к выпивке. Приводится эпизод в доме отца Златы, о которой тосковавший по ней Лотарев / Северянин хотел что-нибудь узнать. В результате:

Допился до потери представленья
[5].

¹ Группа сложилась в 1910–1911 годы. «В начале 1912 г. эгофутуристы стали называть себя «Академией Эго-поэзии» [1, с. 398]; правда, в том же году из группы вышли Г. Иванов и Г. Арельский.

В самый разгар попойки неожиданно раскрылась дверь и появилась Злата. Оценив происходящее, бросила резкие, обидные слова и скрылась. Такова была предпоследняя с ней встреча, после которой что-либо исправить оказалось невозможным, в таком отвратном виде бывший возлюбленный перед ней предстал.

Последняя встреча со Златой тоже произошла неожиданно, через несколько лет после разрыва, когда Северянин находился уже на пике славы. Но, как назло, он снова был нетрезв и плохо соображал, когда после ресторана на лимузине в компании собратьев-футуристов заехал забрать Лизу, сестру Златы, к ней на квартиру, а дверь открыла Злата:

Как в тумане
Я к ней вошел. Вошел угаслый, вялый
И бледно вспоминающий былое...
И было в этом что-то роковое
[6], –

как будто судьбе было угодно, чтобы восстановления отношений не произошло. Посыпавшиеся на голову поэта обвинения ретранслируются в развернутом «Письме Златы» (с пометкой Hermsdorf, 6 июля 1921 г.), переложеного «на музыку стихов». В «Падучей стремнине» это как бы собственный вариант пушкинского письма Татьяны Евгению Онегину, соединенной, однако, с последним объяснением пушкинских персонажей. Невольно возникающая при этом параллель между Северяниным персонажем и Евгением Онегиным позволяет автору намекнуть на свое положение «лишнего человека», каковым он оказался в пореволюционной России, тогда как еще 14 февраля 1918 г. в аудитории Политехнического музея был избран «Королем поэтов»², а, находясь, за рубежом, незадолго до создания «Падучей стремнины» написал «Позу отчаянья», отражавшую момент переживаемого безденежья и непечатания, так как и в Республике Эсти какое-то время ощущал себя «лишним». Знаменатель-

² Обозначение поэтического титула было заимствовано у самого Северянина, у которого «Король на плахе» – К. Фофанов, «Царица стиха» – М. Лохвицкая, «Президент республики “Поэзия”» – В. Брюсов, «Принц Сирени» – Б. Верин (Башкиров), «принц Лилий» – А. фон Эссен, «принц Нарциссов» – Б. Правдин.

но, что откликнулась на нее реальная Злата, с которой 16 лет не было у Северянина никакой связи и которая сумела ему помочь³.

В романе же Северянин ограничивается любовной линией, воссоздавая отношения между персонажами от лица Златы. Это лирикопсихологическая исповедь современной Татьяны, отличающаяся искренностью, силой чувства, нравственным благородством.

Выясняется, что Северянин был оболган Лизой, обиженной на поэта и внушившей Злате, что тот, в стихах забрасывал ее грязью. Но ознакомившись со стихами непосредственно, женщина поняла, что, напротив, опозтизирована в них, и признается, что, кроме Северянина, полюбить больше никого не смогла. С утратой главного для нее в жизни – любимого человека, для Злата, как и «для бедной Тани / Все были жребии равны...» [2, с. 165]. Она вышла замуж за обеспеченного человека, после его смерти вступила во второй брак, имеет детей, хорошо обеспечена, но без озарившей ее молодость любви все в жизни Златы пусто, безотраднo. Только воспоминания о первой любви примиряли Злату с жизнью:

Благословляла
Тебя, мечтой жила, любила тихо.
И был со мною ты в моих мечтах. Не
видела и не слыхала больше
Я ничего. Две жизни будто были:
Священная и светлая одна,
Другая – вся в грязи и в черном мраке.
<...>
К тебе, к тебе, к тебе хотела я!
[6].

Как показало время, любовь Златы и оказалась той преданной, неугасимой, вечной любовью, о которой нередко мечтают. Ничто не может ее убить.

К тому же из исповеди женщины выясняется, что она пожертвовала собой – своим счастьем, чтобы не помешать начинающему Северянину состояться:

Мы отдались взаимно. Ты дороже
Всего на свете был мне. Задала я
Себе вопрос: имею ли я право Твою
свободу брать? – Мне подсказала

³ Подробнее об этом – в «Заметках о Маяковском» (1923) Северянина (см. [6, с. 402–417]).

Душа, что разные у нас дороги,
Что жизнь лишь начинается твоя,

Что на твоём пути я помешаю Тебе
[6].

Злата опасалась, что переключение с поэтического творчества на зарабатывание денег, дабы содержать их двоих, не позволит любимому осуществить полноценную самореализацию, потому и не пошла на примирение после измены Северянина, хотя раскаявшийся поэт об этом молил. Далось ей все это тяжело, но своему идеалу Злата осталась верна. Благородство натуры героини, ее нравственную красоту – вот что выявляет приводимое письмо. Сила неугасающего чувства вместе с тем подчеркивает незаурядность, талантливость, артистизм того, кто сумел вызвать такую любовь и отдает Злате должное, воспевая ее в «Падучей стремнине».

Хотя, как и в «Евгении Онегине» А. Пушкина, финал у Северянина остается открытым, можно рассматривать «Падучую стремнину» и как своеобразное прощание с прошлым, подведение под ним черты перед новым этапом творческого развития, ознаменовавшимся разрывом с модернизмом и поворотом к русской классике, и переменами в личной жизни, связанными с появлением в ней Фелиссы Круут – «женщины из Гамсуна», оказавшейся «дороже первой Златы» [7, с. 191], с которой Северянин узнал настоящую, счастливую любовь и обвенчался 21 декабря 1921 года. А жанр романа в стихах укоренился в творчестве Северянина, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Колокола собора чувств» (изд. 1925), «Роса оранжевого часа» (изд. 1925), «Рояль Леандра» (изд. 1935), и представляет такую его разновидность, как автобиографический роман в стихах.

Библиографические ссылки

1. *Котович Т. В.* Энциклопедия русского авангарда. Минск: Экономсервис, 2003.
2. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // А.С. Пушкин. ПСС: в 6 т. Т. 3. М.: Госиздат худож. лит., 1950. С. 5–184.
3. *Северянин Игорь.* Ананасы в шампанском. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021.
4. *Северянин Игорь.* Классические розы. Медальоны. М.: Худож. лит., 1991. 5. *Северянин Игорь.* Менестрель. Поэмы. [Электронный ресурс]. URL: <https://traumlibrary.ru/book/severyanin-ss05-03/severyanin-ss05-03.html> (дата обращения: 07.05.2024). 6. *Северянин Игорь.* Падучая стремнина. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 07.05.2024).
7. *Северянин Игорь.* Сочинения. Таллинн: Ээсти раамат, 1990.
8. *Фофанов К.* Блуждая в мире лжи и прозы... // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Хрестоматия. М.: Высш. школа, 1988.

C. 245–247.